

С самого детства Цинь Цзигуй был тем самым легендарным «чужим ребёнком»: отличная успеваемость, не по годам рассудительный, самостоятельный, заботливый. Единственным его изъяном было полное отсутствие мимики и крайняя немногословность.

Взять хотя бы детство: стоило взрослым поймать их на шалости, Шэнь Янь тут же пускал в ход свой врождённый талант к обаянию — строил милые глазки и выпутывался из любой передраги в считанные секунды. Цинь Цзигуй же лишь поджимал губы, каменел лицом и молчал: не оправдывался, не признавал вину, не выпрашивал прощения. Своей невозмутимостью он выматывал взрослым все нервы, не оставляя им повода даже разозлиться как следует.

И вот такой человек вдруг серьёзно смотрит тебе в глаза, признаёт свою неправоту, умоляет о прощении да ещё называет себя «братом Цзигуем» — кто такое выдержит?

Как бы то ни было, в ту секунду Шэнь Яню почудилось, будто сердце пропустило удар.

«Наверняка всё дело в том, насколько дикой была сама картина», — убеждал он себя.

В любом случае поддаваться и размякать из-за такой мелкой уловки он не собирался — у него, между прочим, есть характер.

Но он же ещё и умел быть благодарным.

Цинь Цзигуй пострадал из-за него, а значит, на нём самом лежал долг помочь тому поскорее поправиться. Приложение «Исполнение желаний» же утверждало: чтобы рана зажила быстрее, нужно в течение суток выполнить все просьбы Цинь Цзигуя. Так что Шэнь Яню только и оставалось, что нехотя согласиться.

«И это никак не связано с тем, что взгляд у Цинь Цзигуя такой, что за душу цепляет. Главное — мужчина должен держать слово».

С такими самообманными мыслями Шэнь Янь и встречал взгляд этих серьёзных, нежных, красивых глаз.

Человеком он был бесхитростным, взгляд имел ясный, и все его мысли читались с одного взгляда — точь-в-точь ребёнок, не умеющий спрятать конфету за пазухой.

Цинь Цзигуй смотрел на это лицо, всё говорившее «я изо всех сил убеждаю себя, что я крутой парень, но на деле я просто милашка», и не удержался: подался вбок, оперся на локоть, подпёр рукой голову. В глазах мелькнула лёгкая улыбка, и он с ленцой повторил:

— Брат Цзигуй просит тебя?

Если в первый раз эта фраза прозвучала как искреннее, простодушное признание своей неправоты и жест примирения, то во второй раз в тех же словах появилось нечто двусмысленное — то ли лень, то ли намёк, поди разбери.

Шэнь Яня будто на миг слегка ударило током — он тут же опомнился и, глядя на Цинь Цзигуя настороженно, бросил:

— А ну говори нормально. Хватит целыми днями тут ныть и миловидничать.

«Чего так остро реагировать-то».

— Разве не ты первым сегодня в обед начал ныть? — усмехнулся Цинь Цзигуй.

«...»

Чёрт.

Шэнь Янь вспомнил свои же «братец Цзигуй, прошу тебя» и захлопнул рот.

— Так что теперь я тоже прошу тебя два раза, и мы квиты, идёт? М? Янь-янь? — Цинь Цзигуй словно нарочно протянул даже это детское прозвище с ленивой улыбкой в голосе. — Брат Цзигуй просит тебя?

Каждая следующая фраза звучала всё ниже, глуше и ленивее прежней, и от каждой у Шэнь Яня чесались уши. Он всерьёз испугался: если так пойдёт и дальше, он не то что не простит Цинь Цзигуя — сам растает раньше времени.

«Неужели ледышка ростом под метр восемьдесят, когда начинает миловидничать, настолько страшна?»

У Шэнь Яня даже кожа на голове онемела.

— Всё, хватит просить. Взрослый мужик, а самому не противно?

— «Всё» значит, что ты меня простил? — уточнил Цинь Цзигуй, явно зная ответ заранее.

Шэнь Янь фыркнул холодно.

— Понял, — кивнул тот. — Тогда брат Цзигуй попросит ещё раз...

«Опять?!»

Шэнь Янь и правда не мог больше выносить очередную мольбу. Не дожидаясь, пока Цинь Цзигуй договорит, он в отчаянии выпалил:

— Простил, простил! Правда простил! Хватит уже?! Доволен?!

— Но я тогда переборщил, — тихо сказал Цинь Цзигуй.

— Как бы ты тогда ни переборщил, разве эти два дня ты всё не загладил? Я не дурак, вижу же, хорошо ты ко мне относишься или нет. — Шэнь Янь до смерти боялся произносить подобные сентиментальные вещи и, чтобы скрыть неловкость, выпалил как можно свирепее, изображая полное безразличие: — Так что забей на это дело, чего мужику всё тянуть да мяться.

— Правда?

— Ещё слово, и я тебя ударю!

«Значит, правда».

Похоже, во всём мире не найти человека мягче сердцем, чем Шэнь Янь.

— Хорошо, — тихо усмехнулся Цинь Цзигуй. — Спасибо, Янь-янь.

— Спасибо на хлеб не намажешь. И вообще, не зови меня Янь-янь, я тебе не ребёнок. — Такие сцены давались Шэнь Яню хуже всего: покраснев ушами, он схватил тетрадь с заданиями и с грохотом хлопнул ею по столу. — Целыми днями не думаешь толком учиться, откуда столько лишних разговоров? Ты вообще объяснил мне задачу или так и будешь тут прохлаждаться? Вот это я не понимаю. Какая вообще связь между этой линией и той? С какой стати мне, зная длину одной, вычислять длину другой — я их вообще в лицо не знаю.

Он схватил ручку и яростно ткнул кончиком в две ни в чём не повинные линии на чертеже.

Цинь Цзигуй, испугавшись, что Шэнь Янь, застеснявшись сверх меры, снова вспылит и наговорит лишнего, чуть пригасил улыбку, выпрямился, взял ручку и парой штрихов провёл на чертеже:

— Проведи вот так две вспомогательные линии — и они познакомятся.

— А? О!

И правда познакомились. Шэнь Яню это показалось почти волшебством.

Цинь Цзигуй записал дальше:

— На самом деле для вспомогательных линий есть свои формулы-подсказки. Например, для треугольников часто используют такую: «если в фигуре есть биссектриса угла, проведи от неё перпендикуляры к сторонам — биссектриса плюс перпендикуляры дадут слияние трёх линий, попробуй сам». Есть подсказки и для четырёхугольников, и для окружностей. Я выпишу тебе все формулы вместе с примерами — усвоишь основу, а потом, встретив сложную фигуру, сам сообразишь, как её достроить.

Пока Цинь Цзигуй писал, склонив голову, та редкая для него расслабленная весёлость незаметно улетучилась, и он снова стал похож на привычного отличника — сдержанного и рассудительного.

Хотя мягкости в нём всё равно оставалось немало.

Густые тёмные ресницы были чуть опущены — такие длинные, что почти задевали серебристую оправу очков на переносице. Пальцы, державшие ручку, были на удивление красивы; писал он аккуратно, говорил быстро и легко, но с терпеливой обстоятельностью, а кадык на горле мерно подрагивал в такт словам.

Шэнь Янь вдруг заметил на его шее родинку.

Совсем крошечную, чуть в стороне от самой выступающей точки кадыка — как раз в таком месте, которое так и хочется куснуть.

Сам он не понимал, откуда взялась настолько опасная мысль.

Знал только, что стоило Цинь Цзигую обернуться, как выяснилось: первый в мире ненавистник учёбы, товарищ Шэнь Сяоянь, кажется, вовсе не слушал объяснений, а не отрываясь глядел ему на шею — будто на что-то очень аппетитное.

— Заказать доставку? — спросил Цинь Цзигуй.

— А? — Шэнь Янь поднял глаза. — Какую ещё доставку?

— Разве ты не хотел погрызть утиную шейку? — совершенно буднично ответил тот.

«...»

«Кто вообще собирался грызть утиную шейку?! Совести совсем нет!»

Невольно подставив на место утиной шейки шею самого Цинь Цзигуя, Шэнь Янь мгновенно вспыхнул от смущения и злости из-за одного этого «погрызть»:

— Ты мне толком задачу объясняй, чего лезешь не в своё дело!

Цинь Цзигуй не догадывался, о чём тот только что думал, и решил, что Шэнь Янь отвлёкся из-за скучного объяснения, поэтому терпеливо переспросил:

— А то, что я только что рассказал, тебе понятно?

— Само собой, я же не дурак, давай рассказывай дальше, — с полной уверенностью в собственной правоте выпалил Шэнь Янь.

Цинь Цзигуй не стал больше ничего уточнять и продолжил объяснять задачу тем способом, что был ближе всего к ходу мыслей Шэнь Яня, — тоном сдержанным, но обстоятельным, тихим и приятным голосом.

Слушая его, Шэнь Янь снова невольно скосил взгляд.

Даже в простой мешковатой чёрной футболке Цинь Цзигуй выглядел на редкость хорошо, и Шэнь Янь вдруг подумал, что Юй Чэнь неспроста считала его своим кумиром.

В конце концов, у Цинь Цзигуя была внешность человека одновременно педантичного и умного — красота высокого класса, а когда он объяснял задачи, в этом сквозило что-то мягкое и в то же время притягательное. Неудивительно, что девушкам он нравился.

Но сам он, будучи взрослым парнем, отчего-то тоже находил в нём что-то не совсем обычное — что-то не так.

Просто...

до жути раздражающе красив.

Так и не сумев подобрать точное определение этому чувству, Шэнь Янь улёгся на стол, устался на подбородок и кадык Цинь Цзигуя и, размышляя над этим вопросом, постепенно погрузился в собственные мысли.

Настольная лампа спокойно горела, в тишине звучал только неторопливый, прохладный и низкий голос Цинь Цзигуя — но долгое время ему никто не отвечал.

Когда Цинь Цзигуй, почуяв неладное, обернулся, оказалось, что некое существо с планеты Ненависти-к-учёбе уже мирно спит, уткнувшись в стол.

Ну надо же: играть в игры хоть до рассвета, а стоит взяться за математику — и трёх минут не пройдёт, как в сон клонит. И кто это его так избаловал — ленивого, своевольного, изнеженного и совершенно не способного терпеть трудности?

Цинь Цзигуй решил: одно дело — быть добрым к Шэнь Яню, и совсем другое — избаловать его вконец. Он уже собрался разбудить того постороже и отчитать как следует, но не успел вымолвить и слова, как сонный Шэнь Янь пробормотал:

— Значит, мы помирились, да? Ты больше не злишься?

Суровые слова так и остались невысказанными — Цинь Цзигуй молча проглотил их обратно.

После того как в старшей школе их развели по разным классам, он почти не видел, как Шэнь Янь засыпает вот так, уткнувшись в стол. Оказалось, тот совсем не изменился — губы всё так же были чуть приоткрыты, придавая лицу наивное, детское выражение.

В детстве у Шэнь Яня часто закладывало нос, и во сне ему приходилось чуть приоткрывать рот, чтобы дышать, — так и вошло в привычку.

Тогда губы у него были розовые, влажные, круглое личико белым-бело и нежным, а с приоткрытым ротиком он выглядел до того забавно и мило, что Цинь Цзигуй, стоило Шэнь Яню заснуть, не мог удержаться и тыкал в него пальчиком — порой на протяжении всего дневного сна.

Оттого-то взрослые потом всегда шутили, что едва заметную ямочку у правого уголка губ Шэнь Яня Цинь Цзигуй буквально выковырял собственными руками.

Годы прошли, а привычка у Шэнь Яня так и осталась, вот только незаметно исчезли детская пухлость и младенческая округлость щёк — прежний хорошенький пупс вырос в статного, светлого юношу.

Брови теперь были удлинённые и слегка скошенные, нос — прямой, глаза миндалевидные, чуть округлые, но с уголками, приподнятыми к вискам. Даже с закрытыми глазами в нём угадывалась та яркая, дерзкая, ослепительная юношеская красота, что цепляет взгляд с первого мгновения.

Цинь Цзигую вдруг стало жаль будить его.

Времени для учёбы было предостаточно, а вот времени, когда можно вот так открыто, не таясь и без остатка любоваться Шэнь Янем, оставалось совсем немного.

Каждый прожитый рядом с ним день сокращал их общий срок на день.

Потому он и позволил себе немного пожадничать.

Он лишь откинулся на спинку стула и в мягком свете торшера долго-долго молча смотрел на того, кто был рядом. Не разбудил. Но и не потянулся пальцем к этим алым мягким губам, как делал когда-то в детстве.

Потому что пора было научиться сдержанности.

Спустя долгое время он всё же отвернулся, вновь взял ручку и работу Шэнь Яня и, сверяя пункт за пунктом, тщательно выписал все темы, которых тот не знал и которым Цинь Цзигуй хотел его научить.

А Шэнь Янь тем временем спал рядом, погружённый в какой-то безмятежный сон, — лицо его хранило невинное, беззаботное выражение.

Летняя ночь тянулась бесконечно вдоль двух разных, но соприкасающихся друг с другом орбит, а за окном то стихал, то вновь набирал силу стрёкот цикад — точно негласный, невысказанный прилив и отлив в сердцах этих двух юношей.

<http://bllate.org/book/20611/2134903>